РЕЛИГИЯ И БИБЛИЯ В ТРУДАХ В.И. ЛЕНИНА: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРУЮ ТЕМУ

М.Ю. Смирнов

Предмет, избранный для рассмотрения в данной работе, в наши дни может показаться несколько странным. Обстоятельства, при которых ссылки на произведения В.И. Ленина как образцы научной мысли и цитирование его высказываний в качестве непререкаемых аргументов были делом само собой разумеющимся в отечественной литературе самых разных жанров, остались в постепенно отдаляющейся исторической эпохе. Поколение, вступившее в жизнь после 1991 г., в подавляющем большинстве представляет все, что связано со словом «Ленин», примерно также смутно, как прадеды, родившиеся после революционного 1917 г., представляли себе, что такое, например, Закон Божий. Отечественная история XX в. как минимум дважды показала, сколь быстро утрачивается адекватное понимание, казалось бы, еще недавно незыблемых устоев даже у непосредственно близких к уходящим временам новых поколений. Но и те из нынешних россиян, кто постарше и обладает советским опытом, уже благополучно отвыкли от навязчивой «ленинианы», нередко с иронией или сарказмом вспоминая, как некогда конспектировали произведения Ленина на разных этапах своего образования. Правда, отдельные фразы, ассоциируемые с Лениным (про «кухарку» и управление государством; про «ум, честь и совесть нашей эпохи»; про «учиться, учиться и учиться»; резкие эпитеты в адрес интеллигенции и ряд др.), взятые, как правило, безотносительно к контексту и часто искаженные, иногда встречаются и в современной лексике, преимущественно – на общественно-политические темы. В целом же, однако, массив ленинских цитат вышел из широкого употребления.

Такое забвение вполне объяснимо в условиях очередной радикальной «смены вех» на российском идеологическом пространстве. В то же время, оно стало одним из симптомов нарастающей мифологизации отечественной истории, когда более или менее достоверные знания о прошлом уступают место то спонтанному мифотворчеству, а то и умышленному «мифоконструированию».

Конечно и раньше, в советские десятилетия, ленинская тема была в нашей стране, да и много где за рубежом, одним из «резервуаров» для мифотворчества. Однако прежде мифотворческие конструкции возводились на почве массированного присутствия в информационном поле многократно тиражированных историй о Ленине (главным образом, – официозных, отретушированных или просто фальшивых). Ныне же мифотворчество на эту тему происходит при почти полной утрате информированности о жизни и деятельности Владимира Ильича и при крайне низком уровне представлений о действительном содержании его теоретического и политического наследия.

Среди наиболее остро воспринимаемых составляющих этого наследия, подвергающихся мифологизирующим интерпретациям, безусловно, оказывается отношение В.И. Ульянова (Ленина)[1] к религии. Его антирелигиозная позиция в мировоззрении, идеологической и политической деятельности была широко известна. В советские годы ленинская критика религии считалась выдающимся достижением в духовном развитии человечества, о чем было написано немало восторженных слов специалистами по научному атеизму[2]. В конце «перестройки» тональность оценок изменилась, популярными стали разоблачения. Былой священный трепет перед

[1] По ходу изложения Владимир Ильич будет упоминаться то как Ульянов, то как Ленин, в зависимости от описываемого периода его деятельности. Все, что связано с его биографией до начала XX в. (а частично и позднее), будет указываться с фамилией Ульянов. Известно, что впервые псевдонимом *«Ленин»* он подписал свое письмо в типографию газеты «Искра» в конце мая 1901 г. А первая публикация, подписанная Н. Ленин, появилась на страницах научно-политического журнала российских социал-демократов «Заря» в декабре 1901 г. (№ 2–3) под заглавием «Гг. “критики” в аграрном вопросе. Очерк первый». См.: *Ульянова О.Д.* Еще раз о псевдониме «Ленин» // Совесть. 1991. № 8. С. 1.

[2] Образчики такого рода см.: *Ярославский Е.М.* Мысли Ленина о религии (1924) // *Ярославский Е.М.* О религии. М., 1957; *Крывелев И.А.* Ленин о религии. М., 1960; *Шахнович М.И.* Ленин и проблемы атеизма. Критика религии в трудах В.И. Ленина. М.; Л., 1961.

ленинскими текстами замещается язвительными комментариями и не всегда проверенными обвинениями[3]. Вышедшие в ответ апологии Ленина, вроде сборников, изданных на излете советского периода[4], содержали уже не очень уверенный отпор «клевете». Гораздо более взвешенными и указывающими на мифотворческий характер как критики Ленина, так и его вынужденного оправдания иногда оказываются рассуждения зарубежных исследователей культа Ленина в Советской России[5].

Незадолго до распада СССР, в год 120-летия со дня рождения В.И. Ленина журнал «Известия ЦК КПСС» официально обнародовал текст его «Письма В.М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б)» от 19 марта 1922 года[6], содержавшего требование «дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий». Были там и другие беспощадные фразы, вроде: «Чем большее число представителей реакционного духовенства... удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше». Безусловно, эта публикация вызвала настоящее потрясение у тех, кто всегда был убежден в безупречности мыслей и поступков Владимира Ильича. По словам авторитетного отечественного религиоведа Р.А. Лопаткина: «Я не верил своим глазам, не представлял себе, что такое возможно, пытался понять и объяснить себе этот факт. <...> Может быть, причина в том, что Ленин уже был тяжело болен, у него быстро прогрессирующая болезнь мозга, и он уже фактически был изолирован от реальной действительности...?»[7].

Само наличие этого документа в советское время не относилось к чему-то скрываемому. Однако до открытой публикации в СССР доступной была лишь ссылка на его существование, содержащаяся в 45 томе Полного собрания сочинений В.И. Ленина. В этом томе, среди дат жизни и деятельности В.И. Ленина, на странице 666 (!) значится: «*Март, 19.* Ленин в письме членам Политбюро ЦК РКП(б) пишет о необходимости решительно подавить сопротивление духовенства проведению в жизнь декрета ВЦИК от 23 февраля 1922 г. об изъятии церковных ценностей в целях получения средств для борьбы с голодом»[8]. За рубежом текст письма опубликовал «Вестник Русского студенческого христианского движения» в 1970 г. (№ 98, с. 54–57), откуда он был перепечатан газетой «Русская мысль» (Париж) 1 апреля 1971 г.

Резкость фразеологии этого письма вызвала некоторые сомнения в его аутентичности. Дело в том, что ни рукописного наброска, если таковой был, ни его фотокопии не существует. В архиве хранится машинописный текст, выполненный по стенографической записи (тоже не сохранившейся и не имевшей фотокопии), сделанной под диктовку Ленина по телефону его секретарем М. Володичевой; ленинской подписи или какой-либо авторской правки в этом тексте нет. На страницах письма нет предполагаемых заметок членов Политбюро, имеется лишь нетребовавшаяся пометка Молотова; присутствуют расхождения между стилем ленинской письменной речи и рядом словесных оборотов в этом тексте[9]. Сам Ленин в годы, непосредственно предшествовавшие появлению этого письма, как минимум дважды заявлял: «Просьба состоит в том, чтобы никогда не полагаться ни на стенографическую, ни на какую иную запись моих речей, никогда не гоняться за их записью, никогда не печатать записи моих речей. ...Я ни единого раза не видал сколько-нибудь удовлетворительной записи моей речи. Отчего это происходит, судить не берусь, от чрезмерной ли быстроты моей речи, или от ее неправильного построения, или от чего другого, но факт остается фактом. Ни одной удовлетворительной записи

[3] Например, см.: *Солоухин В.А.* Наваждение. Статьи последних лет. М., 1991; *Арутюнов А.А.* Феномен Владимира Ульянова (Ленина). М., 1992.

[4] Ленин, о котором спорят сегодня / сост. А.С. Абрамов, Н.Г. Абрамова, Ю.Н. Амиантов и др. М., 1991; О Ленине – правду / Сост. Г.И. Баринова. Л., 1991.

[5] См.: *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России (1983) / пер. с англ. СПб., 1997.

[6] Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 191–193.

[7] Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. М., 2010. № 4. С. 250.

[8] Даты жизни и деятельности В.И. Ленина (6 марта 1922 – 21 января 1924) // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 666–667.

[9] См.: *Магер Г.* Специалисты безмолвствуют // Ленинградский университет. 1991. 7 июня. № 20. С. 11.

своей речи, ни стенографической, ни иной какой, я еще ни разу не видал»[10].

Так или иначе, письмо добавило аргументов для ставшего общим местом убеждения, что несомненное безбожие Ленина сопровождалось и ярой ненавистью вообще ко всему, что связано с религией – к храмам, духовенству, религиозным обрядам, религиозной литературе и т.п. Обоснованность этого убеждения стали подтверждать теми же знаменитыми высказываниями из ленинских произведений, которые в советское время постоянно цитировались как свидетельства последовательного научно-материалистического мировоззрения Владимира Ильича: религия – «род духовной сивухи», «опиум народа»; «всякий боженька есть труположство», «всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость» и пр. Действительно, произведения Ленина содержат немало язвительных инвектив в адрес религиозных организаций и их служителей («поповщины» в его терминологии).

Тем интереснее, однако, что, как бы параллельно бескомпромиссному негативному отношению к религии, В.И. Ульянов периодически высказывал весьма далекие от категорического отрицания или даже положительные характеристики каким-то конкретным процессам, событиям и персонам из исторической и современной ему религиозной жизни общества.

В работе «Проект программы нашей партии» (1899 г.) он признавал, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития...»[11]. Предложенный им тезис в резолюции II съезда РСДРП (1903 г.) об отношении социал-демократов к религиозному сектантству содержал положение о том, что «сектантское движение в России является во многих его проявлениях одним из демократических течений...»[12].

Десятилетие спустя, размышляя о взаимосвязи религии и демократии, Владимир Ильич вполне определенно утверждал о приоритете демократического устройства общества перед религией, которая содержит не только консолидирующий, но и дезинтегрирующий потенциал. В статье 1913 г. «Балканская война и буржуазный шовинизм» он писал: «Ни национальное угнетение, ни национальная грызня, ни разжигание религиозных различий не были бы возможны при полном и последовательном демократизме»[13]. При этом, однако, как следует из его переписки с А.М. Горьким (ноябрь 1913 г.), он продолжал придерживаться убеждения, что «было время в истории, когда... борьба демократии и пролетариата шла в форме борьбы *одной религиозной* идеи против другой»[14].

Накануне октябрьских событий 1917 г. в работе «Государство и революция» он в позитивной тональности высказался о «“наивностях” первоначального христианства с его демократически-революционным духом» в противоположность последующей роли христианства как государственной религии[15]. Внимание к этой исторической метаморфозе христианства он проявил еще в эмиграции, познакомившись с книгой швейцарского социал-демократа Поля Голэй «Социализм умирающий и социализм, который должен возродиться» (Лозанна, 1915. на фр. яз.). В своей статье 1915 г. «Честный голос французского социалиста» Ленин одобрительно процитировал слова этого автора об «истории доктрин» в христианстве: «Когда они оказывались влиятельными? Тогда ли, когда они бывали приручены властями, или тогда, когда они бывали непримиримыми? Когда христианство потеряло свою ценность? Не тогда ли, когда Константин обещал ему доходы и предложил ему, вместо преследований и казней, обшитое галунами платье придворных лакеев?»[16].

Такие оценки не мешали ему критически относиться к радикализму религиозно мотивированных

[10] Об этом он писал 17 апреля 1919 г. в Послесловии к брошюре «Успехи и трудности Советской власти» и буквально повторил 16 ноября 1921 г. в Предисловие к брошюре «К вопросу о новой экономической политике (две старые статьи и одно еще более старое послесловие)». См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 73; Т. 44. С. 246–247.

[11] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 228.

[12] Там же. Т. 7. С. 310.

[13] Там же. Т. 23. С. 38.

[14] Там же. Т. 48. С. 231–232.

[15] Там же. Т. 33. С. 43.

[16] Там же. Т. 27. С. 9.

освободительных движений. К примеру, в своих конспектах 1915–1916 гг. («Тетради по империализму») Ленин отметил неоднозначность идеологии панисламизма[17]. В советский период он дополнил теоретическую характеристику этого явления политическими выводами, сформулированными в июне 1920 г. для участников II конгресса Коммунистического Интернационала и в решениях ЦК РКП(б) о задачах в Туркестане: «необходимость борьбы с панисламизмом и подобными течениями, пытающимися соединить освободительное движение против европейского и американского империализма с укреплением позиции... мулл...», «способы борьбы с... панисламизмом... особо разработать»[18].

В.И. Ульянов мог сочувственно отзываться о тех служителях культа, чья деятельность вписывалась в его понимание борьбы за социальную справедливость, признавая, что именно религиозная принадлежность придает этим деятелям дополнительный авторитет у населения. В статье «Социализм и религия» (1905 г.) он призвал к поддержке «честных и искренних людей из духовенства» в их требованиях свободы и протестах против навязанных самодержавием «казенщины», «чиновнического произвола» и «полицейского сыска»[19]. Показательна в этом плане его оценка священника Георгия Гапона, с которым Ульянов лично общался в эмиграции. Признавая провокационность роли «попа Гапона» в революционных событиях 1905 г, он высказал, тем не менее, соображение о пользе поступков этого священника для освободительного движения в России (серия статей 1905 г. «Революционные дни»)[20]. В другой ситуации, разрабатывая «Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной Думе» (1907 г.), он писал: «...мы, социал-демократы, относимся отрицательно к христианскому учению. Но, заявляя это, я считаю своим долгом сейчас же, прямо и открыто сказать, что социал-демократия борется за полную свободу совести и относится с полным уважением ко всякому искреннему убеждению в делах веры...», добавив к этому готовность обсуждать разногласия со священником Тихвинским – «депутатом от крестьян, достойным всякого уважения за его искреннюю преданность интересам крестьянства, интересам народа, которые он безбоязненно и решительно защищает...»[21].

К слову сказать, В.И. Ульянов имел вполне адекватные представления о религиозной составляющей в образе жизни, нравах и потребностях трудящегося населения страны. Он, например, прекрасно разбирался в христианском праздничном календаре и использовал эти познания при написании в сибирской ссылке летом 1897 г. брошюры «Новый фабричный закон», седьмой раздел которой «Как наше “христианское” правительство урезывает праздники для рабочих» содержал резкую критику ограничений прав верующих на отдых и свободное время[22].

В дореволюционные годы В.И. Ульянов неоднократно выступал в защиту религиозной свободы для представителей различных вероисповеданий в Российской империи. Обращают на себя внимание его комментарии в статье 1901 г. «Внутреннее обозрение. IV. Две предводительские речи» по поводу «инквизиторской травли сектантства» ревнителями православия[23]. В мае 1903 г. в Женеве выходит написанная им в эмиграции брошюра «К деревенской бедноте» с формулировкой принципиального требования: «Каждый должен иметь полную свободу не только держаться какой угодно веры, *но и распространять любую веру и менять веру*. Ни один чиновник не должен даже иметь права спрашивать кого ни на есть о вере: это дело совести... Не должно быть никакой *“господствующей”* веры или церкви»[24]. Упомянутая выше статья 1905 г. «Социализм и религия» содержит

[17] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 28. С. 513–514.

[18] Там же. Т. 41. С. 166, 436, 437.

[19] Там же. Т. 12. С. 144.

[20] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 210–211, 216–219. В апреле 1917 г. он повторил прежнюю характеристику истории с Гапоном в статье «С иконами против пушек, с фразами против капитала» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 305). Также см.: Ленин, о котором спорят сегодня. М., 1991. С. 92–95; *Усыскин Г.* Ленин и Гапон: история одного политического романа // Смена. 1992. 22 окт.

[21] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 156–157.

[22] Там же. Т. 2. С. 288–293.

[23] Там же. Т. 5. С. 335–342.

[24] Там же. Т. 7. С. 172–173.

развитие этого тезиса: «Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедовать какую угодно религию или не признавать никакой религии... Никакие различия между гражданами в их правах в зависимости от религиозных верований совершенно не допустимы. ...Не должно быть... никакой выдачи государственных сумм церковным и религиозным обществам, которые должны стать совершенно свободными, независимыми от власти союзами граждан-единомышленников. Только выполнение до конца этих требований может покончить с тем позорным и проклятым прошлым, когда церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви...»[25].

Особым сюжетом является отношение В.И. Ульянова к участию духовенства в политической жизни. По его взглядам дореволюционного времени, такое участие есть совершенно нормальное дело. «В жизни абсолютно невозможны, неосуществимы никакие меры, отстраняющие от политики... ту или иную группу или часть населения», – писал он в статье 1912 г. «Либералы и клерикалы» (занятно, что эта статья была им подписана псевдонимом *Мирянин*). «Мы не против участия духовенства в выборной борьбе, в Думе и пр., – утверждал он далее о позиции социал-демократов, – а исключительно против средневековых привилегий духовенству. Мы клерикализма не боимся, мы с ним охотно – на свободной и равной для всех трибуне – поспорим. Духовенство всегда участвовало в политике прикровенно; ничего кроме пользы для народа, и большой пользы, не будет от того, если духовенство станет участвовать в политике *откровенно*»[26]. Анализируя ход кампании по выборам в IV Государственную Думу в статьях «Духовенство и политика» и «Духовенство на выборах и выборы с духовенством» (в сентябре и октябре 1912 г.), он замечает: «Неучастие духовенства в политической борьбе есть вреднейшее лицемерие», «народу принесет лишь пользу переход духовенства к политике откровенной»[27]; это позволит понять действительное состояние духовенства, его расслоение на тех, кто «будут голосовать за кандидатов, угодных правительству»[28], и на демократически настроенных представителей «даже в таком социальном слое России, как духовенство...»[29]. Очевидно, что для В.И. Ульянова открытая политическая активность духовенства равносильна саморазоблачению подлинных интересов этого сословия в глазах приверженцев демократии. Как высказался он в статье «Беседа о “кадетоедстве”» (1912 г.): «...всякий грамотный человек понимает: демократия не может быть демократией, будучи богомольной»[30].

В мае и июне 1909 г. вышли две программные ленинские статьи на тему религии – «Об отношении рабочей партии к религии» и «Классы и партии в их отношении к религии и церкви». Нет смысла подробно воспроизводить их содержание – любой желающий может раскрыть семнадцатый том Полного собрания сочинений и ознакомиться с тем набором теоретических концептов, который сложился в воззрениях Владимира Ильича касаемо позиции революционной социал-демократии в вопросах религии[31]. Стоит лишь отметить два важных акцента в этих статьях.

В первой из них, вслед за Ф. Энгельсом, Ленин резко характеризует как «глупость» якобы революционную идею «объявления войны религии», высмеивает увлечения «атеистической проповедью», предостерегает от угрозы «преувеличения борьбы с религией со стороны политической партии пролетариата». Во второй статье лейтмотивом стал яростный антиклерикализм, призыв противостоять «феодальным привилегиям» Православной Церкви, и уже как производное от этого прозвучала критика либеральной идеологии «обновления» религии и «более тонких средств церковного обмана».

Сформулированные в этих работах трактовки не претерпели существенных изменений до конца

[25] Там же. Т. 12. С. 143–144.

[26] Там же. Т. 21. С. 469, 470.

[27] Там же. Т. 22. С. 80.

[28] Там же. Т. 22. С. 129.

[29] Там же. Т. 22. С. 81;

[30] Там же. Т. 22. С. 67.

[31] Там же. Т. 17. С. 415–426, 429–438.

его жизни, хотя впоследствии отчасти модифицировались и далеко не всегда воплощались в его практической революционной деятельности. Эти положения раскрывают своеобразную диалектику ленинского подхода к религии, сочетающую идеологическую непримиримость с гибкостью политических действий по отношению к носителям религиозного сознания.

После 1917 г., уже как Председатель Совнаркома, Ленин активно стремился перевести свои теоретические представления о свободе совести в правовую практику нового государства. Подписанный им и другими членами Советского правительства Декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» от 23 января 1918 г., в редактировании которого он деятельно участвовал, содержал норму, запрещающую «издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести». Декрет установил, что: «Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются». В окончательную редакцию документа вошла и внесенная им лично формулировка: «Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ»[32].

В годы Гражданской войны, когда важнейшей задачей советской власти было удержать за собой признание как можно большей части населения на «расколовшейся» территории бывшей империи, глава государства очень внимательно реагировал на опасность ущемления интересов верующих. Выступая на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г., он прямо заметил: «Бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно; много вреда приносят те, которые вносят в эту борьбу оскорбление религиозного чувства»[33]. Аналогичная установка была включена Лениным в проект Программы РКП(б) в 1919 г.: «осуществлять фактическое освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков, добиваясь этого посредством пропаганды и повышения сознания масс, вместе с тем заботливо избегая всякого оскорбления чувств верующей части населения...»[34]. В «Предложениях к проекту постановления Пленума ЦК РКП(б) о пункте 13 Программы партии» (1921 г.) он еще раз напомнил: «...не выпячивать вопроса о борьбе с религией...»[35].

До завершения основных событий Гражданской войны советская власть еще не позволяла себе демонстративного разрушения храмов и массовых репрессий верующих. Известна, например, поддержка Председателем Совнаркома просьбы верующих из Ягановской волости Череповецкого уезда содействовать достройке местного храма, заложенного еще в 1915 г. (в записке Ленина председателю Афанасьевского сельсовета В. Бахвалову от 2 апреля 1919 г. говорилось: «Окончание постройки храма, конечно, разрешается...»)[36]. Весьма настоятельно звучит и его требование к реввоенсовету Кавказского фронта: «обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам... демонстрируйте и притом самым торжественным образом симпатии к мусульманам» (телеграмма Г.К. Орджоникидзе от 2 апреля 1920 г.)[37]. Получив личное обращение с жалобой на турецкие притеснения от председателя ЦК объединенных духоборческих общин Тифлисской губернии П.П. Веригина, Ленин как Предсовобороны обязал соответствующие инстанции: «примите все возможные меры» для помощи коммунам духоборов в Ахалкалакском районе советской Грузии (телеграмма Г.К. Орджоникидзе от 25 марта 1921 г.)[38]. В апреле 1921 г. В.М. Молотов получает от Ленина указание: «...в газетах напечатано письмо или циркуляр ЦК насчет 1 мая, и там сказано: *разоблачать ложь религии* или нечто подобное. Это нельзя. Это нетактично. Именно по случаю Пасхи на-

[32] О религии и церкви: сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства: 2-е изд., доп. М., 1981. С. 112–116, 171.

[33] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 186.

[34] Там же. Т. 38. С. 95.

[35] Там же. Т. 54. С. 440.

[36] Там же. Т. 50. С. 273.

[37] Там же. Т. 51. С. 175.

[38] Там же. Т. 52. С. 109.

до рекомендовать *иное*: не разоблачать ложь, а *избегать, безусловно, всякого оскорбления религии*»[39].

Конечно, ленинская идеология коммунизма предполагала, как минимум, резкое ограничение возможностей для пропаганды «чуждых» воззрений. Так, к примеру, в проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) о свободной продаже книг, хранящихся на складах в Москве в 1921 г. он внес весьма характерное уточнение: «Из числа книг, пускаемых в свободную продажу в Москве, изъять порнографию и книги духовного содержания, отдав их в Главбум на бумагу»[40]. Тем не менее, выступая на совещании беспартийных делегатов IX Всероссийского съезда Советов 26 декабря 1921 г., Ленин с обидой отреагировал на подозрение, будто он «предлагал жечь молитвенники»: «Само собой разумеется, что я никогда этой вещи не предлагал и предложить не мог. ...По основному закону нашей республики, свобода духовная насчет религии за каждым безусловно обеспечена...»[41].

Даже в названном выше письме к Молотову для членов Политбюро репрессивные установки звучали в контексте, явно не предполагающем полного уничтожения религиозной жизни в стране, – «...по международному положению России для нас, по всей вероятности, <...> окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного духовенства будут политически нерациональны, может быть, даже чересчур опасны». Речь шла, скорее, о запугивании и пресечении оппозиционных действий со стороны представителей церковной среды («...чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»)[42].

Имеется много примеров, свидетельствующих о разнообразии суждений В.И. Ульянова по «религиозному вопросу» и вариативности практических подходов. За всеми этими оттенками, за беспощадной категоричностью или, напротив, за неожиданной от такого человека терпимостью возникает вполне определенная позиция в ленинском отношении к религиозной сфере. Эта позиция образуется из сложения трех основных составляющих.

Во-первых, это принципиальная несовместимость усвоенного Владимиром Ульяновым диалектико-материалистического мировоззрения с любой религией, при отказе религиям в каких-либо иных основах, кроме земных. Во-вторых, его явный и часто страстный антиклерикализм, перешедший в послереволюционный период в воинственное отношение к религиозным организациям как политическим противникам коммунистической партии. В-третьих, убеждение в третьестепенности проблем с религией по сравнению с решением задач социального переустройства и по этой причине подчинение «религиозного вопроса» актуальным потребностям революционных преобразований общества[43].

Следует согласиться с характеристикой одной из черт интеллектуального облика Ленина, данной В.А. Кувакиным: «С юношеских лет Ленин был чужд религиозному, спиритуалистическому и идеалистическому воззрению на окружающую действительность. У него было какое-то естественное отсутствие какого-либо интереса и, так сказать, вкуса к трансцендентному и мистическому. Все это ему просто было неинтересно...»[44].

Можно сказать, что наибольшую враждебность у Владимира Ильича вызывали не столько религиозная вера людей или, тем более, вероисповедные доктрины (к ним он был в целом равнодушен и способен ограничиться лишь чисто теоретической полемикой), сколько вполне понятные претензии религиозных организаций на весомую роль в общественных настроениях, на хозяйственное и политическое влияние – в этом отношении компромиссов он не признавал и употреблял все свои возможности для безжалостного подавления таких претензий.

В.И. Ульянов был достаточно образован и проницателен, чтобы понимать закономерность существования религии в истории человечества, ее укорененность в чувства и жизненные потребности людей. Полемизируя с теорией «эмпириомонизма»

[39] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 140.

[40] Там же. Т. 44. С. 119.

[41] Там же. С. 333.

[42] Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 192, 193.

[43] В статье 1905 г. «Социализм и религия» он писал: «Проповедовать научное миросозерцание мы всегда будем, бороться с непоследовательностью каких-нибудь “христиан” для нас необходимо, но это вовсе не значит, чтобы следовало выдвигать религиозный вопрос на первое место, отнюдь ему не принадлежащее...» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 146).

[44] *Кувакин В.А.* Мировоззрение В.И. Ленина: формирование и основные черты. М., 1990. С. 192.

А.А. Богданова, в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии» он признал: «...“общезначимо” учение религии в большей степени, чем учение науки: большая часть человечества держится еще поныне первого учения... ибо религии возникли не беспричинно, держатся они в массе народа при современных условиях вовсе не случайно, подлаживаются к ним профессора философии вполне “закономерно”. Если этот, несомненно , общезначимый и, несомненно, высокоорганизованный социально-религиозный опыт “не гармонирует” с “опытом” науки, то, значит, между тем и другим есть принципиальная, коренная разница... <...> Общезначима и религия, выражающая социальное согласование опыта большей части человечества»[45]. В его конспекте 1909 г. книги Л. Фейербаха «Лекции о сущности религии» встречаются, к примеру, такие комментарии: «Кроме фантазии в религии крайне важно Gemüth (чувство), *практическая* сторона, поиски лучшего, защиты, помощи etc.»; «в религии ищут *утешения*»; «христианство из морали сделало бога, создало *морального бога*»; «религия дает человеку идеал»[46].

Владение рядом языков (он мог говорить на английском, немецком, французском языках, свободно читал по-итальянски, понимал чешский и польский языки, латынь и греческий язык знал в объеме гимназического курса) способствовало разнообразию его круга чтения. Как человек, любивший и умевший работать с книгами, формировавший свое мышление во многом на основе освоения огромного массива различной литературы, он был вполне восприимчив и к текстам на религиозные темы. В каталоге последней личной библиотеки В.И. Ленина[47] указано немалое количество изданий, касающихся религии.

Большая часть из них сгруппирована составителями каталога под рубрикой «Атеизм, наука и религия» и представлена антирелигиозной литературой, антиклерикальными и научно-критическими работами различных российских и иностранных авторов. Среди 99 изданий в этой рубрике обращает внимание присутствие ряда трудов, в разной мере затрагивающих библейскую христианскую сюжетику. Это русские переводы книг Ш. Виролльо «Легенда о Христе», А. Древса «Миф о Христе», К. Каутского «Происхождение христианства», Э. Мейера «Иисус из Назарета», А. Немоевского «Бог Иисус. Происхождение и состав Евангелий» и «Философия жизни Иисуса», Д. Робертсона «Евангельские мифы», Л. Фейербаха «Сущность христианства», а также отечественные работы Р.Ю. Виппера «Возникновение христианства», А. Логинова «Наука и Библия», Н.М. Никольского «Мировой и социальный переворот по воззрениям раннего христианства», Н.В. Румянцева «Миф об Иоанне Крестителе» и «Рождество Христово. Очерк сравнительной мифологии».

Отдельно в каталоге выделены рубрики «Философия» и «Религия», содержащие, в частности, перечень трудов религиозных философов и историков, некоторых церковных авторов, российских и зарубежных конфессиональных исследователей религии. Из 34 книг рубрики «Религия» 12 находились в рабочем кабинете Ленина, т. е. «всегда под рукой». Здесь также присутствуют издания, посвященные библейским сюжетам. Это книги историка Р.М. Бланка «Иуда Искариот в свете истории. Очерк результатов критического исследования исторического содержания Евангелий» (на полке в кабинете), одесского раввина И.И. Гурлянда «Моисей и Аарон», священника Г. Петрова «Евангелие как основа жизни», перевод книги Э. Ренана «Жизнь Иисуса», а также конволют, содержащий в переводе публикацию «Апокрифические сказания о Христе. 1. Книга Никодима»[48].

Надо полагать, что Ленин, будучи не только профессиональным революционером, но и «профессиональным читателем», никогда не собирал книги, что называется, «для счета». За пополнением своей библиотеки в Кремле он следил очень внима-

[45] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 126, 194.

[46] Там же. Т. 29. С. 53, 54, 56.

[47] В 1961 г., когда вышел этот каталог, было учтено 8450 изданий, находившихся в шести книжных шкафах кремлевского кабинета Ленина, в его кремлевской квартире и в Горках. Ныне в библиотеке В.И. Ленина в Кремле числятся 10664 наименования политической, научной, художественной, справочной и периодической литературы на двадцати языках; см.: *Савинов А.* Библиотека В.И. Ленина в Кремле: находки последних лет // http://gazeta-pravda.ru/content/view/3956/1/

[48] Библиотека В.И. Ленина в Кремле. Каталог / сост. А.Ф. Бессонова и др.; ред. кол. Н.Н. Кухарков и др.; вступительная ст. Л.К. Виноградовой. М., 1961. С. 522–528.

тельно и решительно отсекал те издания, обильно присылаемые ему в дар как «вождю», которые считал бесполезными для себя. Оставалось только то, что было предметом его читательского внимания, нередко подтвержденного различными пометками и записями на страницах прочитанных книг[49].

В свете этого вряд ли случайным является тот факт, что среди изданий, находившихся в его личной библиотеке, значится: *Библия или Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: в русском переводе с параллельными местами. 9-е изд. СПб., 1910. IV. – 1548 с.* (по каталогу это № 6675 в рубрике «Религия»). Очевидно, что это была не первая Библия в его круге чтения. Наличие этой «книги книг» в ленинском обиходе требует более пристального взгляда на познания Владимира Ильича в области религии.

Библия была известна Владимиру Ульянову с детских лет. Безусловно, что она находилась среди книг в семье Ульяновых и, возможно, не в единственном экземпляре. Родители Владимира Ильича были христианами. В метрической книге Никольской церкви г. Симбирска рядом с записью № 8 от 16 апреля (по ст. стилю) 1870 г. о крещении Владимира Ульянова указано, что оба родителя – православного исповедания[50]. Правда, в различных воспоминаниях характер их религиозности обычно описывается в умеренных тонах.

Известно, что Илья Николаевич Ульянов был вполне благочестивым православным верующим, регулярно посещал церковь, соблюдал необходимые нормы обрядового поведения, старался воспитывать в этом духе детей. В то же время принуждения в вопросах религиозной веры он не допускал, и, когда подросшие дети стали отказываться от посещения церкви, никакому давлению отца они не подвергались[51]. Более того, если личная религиозность главы семейства Ульяновых была несомненна, то его отношение к церковной деятельности, во всяком случае, в сфере народного образования, нельзя назвать полностью лояльным. Предметом его постоянной заботы стала защита учительских кадров народных училищ от обвинений в шаткости их «религиозно-нравственного направления»; выполняя свои служебные обязанности, он способствовал преобразованию церковноприходских школ губернии в земские школы. По этим поводам И.Н. Ульянов подвергался нападкам представителей православного духовенства (протоиерея А.А. Баратынского, симбирского епископа Варсонофия и др.), что обернулось и постоянными служебными неприятностями, переживание которых, возможно, ускорило его кончину[52].

Мария Александровна Ульянова (в девичестве Бланк), происходившая из среды последователей как евангелическо-лютеранского, так и православного вероисповеданий, к религии относилась без особого энтузиазма. По словам дочери Анны: «Мать моя, как все выросшие не в чисто национальной семье, не была богомольна и одинаково мало посещала как русскую церковь, так и немецкую...»[53]. Аналогично вспоминал об этом и сын Дмитрий: «Мать посещала церковь в большие праздники, но религиозной не была... В последние годы своей жизни она была уже совершенно неверующей»[54].

При всем этом атеизм в семье Ульяновых, конечно же, не культивировали. Круг общения как на семейном уровне, так и в силу должностного

[49] Исследователям нетрадиционных религий в России может быть интересно, что в личной библиотеке первый Председатель Совнаркома имел такие, например, книжки: *Гольденберг В.* Антропософское движение и его пророк. Берлин, 1923; *Кимбалл Э.А.* Христианская Наука: Господство человека над злом. Лекция, прочитанная в Эмерсонской зале Гарвардского ун-та, 16 марта 1908 г. Boston: The Christian Science Publ. Society, 1916 (текст парал. на англ. и рус. яз); *Рутерфорд И.Ф.* Арфа Божия: Бесспорное доказательство того, что миллионы теперь живущих никогда не умрут: учебник для исследователей Библии, приспособленный к нуждам начинающих, включающий вопросы и цитаты из Священного Писания. N. Y., 1921.

[50] *Илья Николаевич Ульянов*: по воспоминаниям современников и документам / сост. А.И. Иванский. М., 1963. С. 178.

[51] Там же. С. 242–243.

[52] См.: *Трофимов Ж.А.* Гимназист Владимир Ульянов. (Документ. очерки). Саратов, 1976. С. 59–63, 65–69; *Карамышев А.Л.* Известен всей России // И.Н. Ульянов в воспоминаниях современников / сост. и авт. предисл. А.Л. Карамышев. 2-е изд., доп. М., 1989. С. 41–44.

[53] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. / Сб., составленный А.И. Ульяновой-Елизаровой. М.; Л., 1927. С. 43.

[54] Цит. по: Илья Николаевич Ульянов: по воспоминаниям современников и документам / сост. А.И. Иванский. С. 58.

положения И.Н. Ульянова включал представителей православного духовенства и, возможно, служителей других религиозных организаций. В Симбирске была резиденция епископа, находилась духовная консистория, действовали мужской и женский монастыри, 14 соборов и приходских церквей, 2 часовни, 11 домовых церквей. Кроме православных храмов были католическая каплица, лютеранская кирка, татарская мечеть, еврейская синагога[55].

В характеристике выпускника Симбирской гимназии Ульянова Владимира, данной ему 10 августа 1887 г. для поступления в Казанский университет, говорится: «За обучением и нравственным воспитанием Ульянова всегда тщательно наблюдали родители... В основе воспитания лежала религия и разумная дисциплина»[56]. Такая характеристика вряд ли может свидетельствовать о хорошем понимании гимназическим начальством действительных умонастроений молодого В. Ульянова. Но и отказать в наблюдательности директору гимназии Ф.М. Керенскому нельзя. «Присматриваясь ближе к образу домашней жизни и к характеру Ульянова, – пишет Керенский, – я не мог не заметить в нем излишней замкнутости и чуждаемости от общения даже с знакомыми людьми, а вне гимназии и с товарищами, и вообще нелюдимости...»[57]. И ни слова не сказано о том, религиозен ли В. Ульянов, хотя у других выпускников это качество непременно подчеркивалось[58]. Действительно, именно на последние гимназические годы приходится его пересмотр отношения к религии. Однако история этой перемены взглядов во всех известных описаниях выглядит скорее художественно, нежели фактографически, отчего явно теряет в подлинности.

О самом событии «разрыва с религией» в биографической литературе обычно повествуется по воспоминаниям Н.К. Крупской, услышавшей о нем непосредственно от Владимира Ильича. Первоначально, в 1933 г., она описала это следующим образом: «К пятнадцати годам у Владимира Ильича сложилось уже твердое убеждение, что религия – это выдумка людей, сознательный и бессознательный обман. И пятнадцатилетним мальчиком он сорвал у себя с шеи крест и далеко забросил его. Эти ранние переживания не прошли бесследно»[59]. Пять лет спустя мемуаристка уточнила сюжет. По этой версии, «Ильич рассказывал, что, когда ему было лет 15, у отца раз сидел какой-то педагог, с которым Илья Николаевич говорил о том, что дети его плохо посещают церковь. Владимира Ильича, присутствовавшего при начале разговора, отец услал с каким-то поручением. И когда, выполнив его, Ильич проходил потом мимо, гость с улыбкой посмотрел на Ильича и сказал: “Сечь, сечь надо”. Возмущенный Ильич решил порвать с религией, порвать окончательно; выбежав во двор, он сорвал с шеи крест, который носил еще, и бросил его на землю»[60]. Данное описание стало «каноническим», ссылка на него вошла в официальную биохронику Ленина с датировкой «1885 – ранее 12 (24) января 1886 г.»[61]. Автор многих биографических публикаций о Ленине Ж.А. Трофимов датирует это событие концом 1885 г. и называет «самым важным в перестройке мировоззрения юноши»[62].

Известен и похожий рассказ Г.М. Кржижановского, по воспоминаниям которого в разговоре с ним Ленин сказал, что он «уже в пятом классе гимназии резко покончил со всяческими вопросами религии: снял крест и бросил его в мусор»[63].

---

[55] Данные приводятся по: *Трофимов Ж.А.* Гимназист Владимир Ульянов (Документ. очерки). Саратов, 1976. С. 97.

[56] См.: *Бонч-Бруевич В.Д.* Документы о юношеских годах В.И. Ульянова (Ленина) // Молодая гвардия. М., 1924. № 1. январь. С. 89.

[57] Там же.

[58] *Трофимов Ж.А.* Дух революции витал в доме Ульяновых: Симбирские страницы биографии В.И. Ленина. М., 1985. С. 152.

[59] *Крупская Н.К.* О Ленине. Воспоминания, связанные со статьей Ленина «О значении воинствующего материализма» (1933) // *Крупская Н.К.* Вопросы атеистического воспитания: Сб. ст. и выст. 2-е изд., доп. М., 1964. С. 53.

[60] *Крупская Н.К.* Детство и ранняя юность Ильича // Большевик. 1938. № 12. С. 70; Воспоминания о Ленине. М., 1957. С. 158; Педагогические сочинения. Т. 6. М., 1959. С. 415–416; Из атеистического наследия. М., 1964. С. 263–264.

[61] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924: В 12 т. Т. 1. М., 1970. С. 17.

[62] *Трофимов Ж.А.* Дух революции витал в доме Ульяновых: Симбирские страницы биографии В.И. Ленина. М., 1985. С. 121.

[63] *Кржижановский Г.М.* О Владимире Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. М., 1956. С. 149, 172.

Та же история, но записанная со слов Г.М. Кржижановского П.Н. Лепешинским, звучит еще более впечатляющей. Согласно этому рассказу, эмансипация Владимира Ульянова от религии произошла так: «Однажды, когда в его сознании ясно отобразилась мысль, что никакого бога нет, он порывисто снял со своей шеи крест, с презрением плюнул на “священную реликвию” и бросил на землю»[64]. В публицистическом произведении Е.В. Яковлева «Жизни первая треть», вышедшем на заре «перестройки», событие получило почти эпическое описание: «В сизый зимний вечер на подступающий к дому снежный наст рванулся с крыльца Владимир. Морозный воздух бросился навстречу, успокаивая и остужая. Но уже распахнут ворот. Уже накручивается на пальцы цепочка креста. Рванул. Сорвал. Бросил. Навсегда»[65].

Достоверность эпизода с «бросанием креста», во всяком случае, его датировка, вызывает сомнение. Сын директора народных училищ Симбирской губернии, действительного статского советника, дворянин Владимир Ульянов не давал никаких внешних поводов усомниться в своей лояльности к религии[66]. Отсутствие нательного крестика не могло бы остаться незамеченным окружающими, да и о его демонстративном отказе участвовать в религиозных церемониях ничего не известно.

В здании гимназии, где он учился, была своя домовая церковь во имя Св. Сергия. Ее посещение являлось обязательным для учащихся в праздничные дни. Каждый торжественный акт в гимназии начинался с молебствия. За соблюдением этого порядка строго следил старший законоучитель, которым в ту пору был протоиерей со степенью магистра богословия и званием профессора Симбирской духовной семинарии Петр Иоаннович Юстинов; кроме него в гимназии преподавали еще священники Сорогожский и Кенарский, а также пастор Курц[67]. Уезжая на каникулы, гимназисты получали отпускной билет, который должны были по возвращении сдать с отметкой полиции о поведении и справкой священника о выполнении религиозных обрядов[68]. В отчете директора гимназии Керенского за 1885 г., в частности, говорилось: «Каждый учебный день ученики начинают общей молитвой, по окончании которой прочитываются отцом законоучителем или мною несколько стихов из Святого Евангелия... Классные наставники следили за посещением учениками богослужения, проверяя по окончании каждой службы, все ли ученики были в церкви»[69].

Когда в январе 1886 г. скончался его отец, Владимир, который оказался старшим мужчиной в семье (брат Александр в это время учился в Петербурге), принимал самое непосредственное участие в организации похорон, включая присутствие на всех религиозных обрядах[70]. Ректор Симбирской духовной семинарии провел литию на квартире Ульяновых. Затем в приходской Богоявленской церкви, куда Владимир с друзьями отца на руках принесли гроб, преподаватель духовной семинарии соборный священник С.С. Медведков в сослужении еще двух священников провел заупокойную литургию. После отпевания захоронение было совершено в ограде Покровского мужского монастыря[71]. Все эти скорбные церемонии прошли с личным участием Владимира Ульянова. А если иметь в виду блестяще сданный через год с небольшим выпускной экзамен по Закону Божию, то указанная хронологическая привязка открытого разрыва с религией к 1885 г. выглядит еще более сомнительной.

---

[64] Цит. по: Илья Николаевич Ульянов. По воспоминаниям современников и документам. С. 244.

[65] *Яковлев Е.В.* Жизни первая треть: Документальное повествование о семье Ульяновых, детстве и юности Владимира Ильича. М., 1985. С. 128.

[66] *Данилов Е.П.* Ленин: тайны жизни и смерти. М., 2007. С. 32–34.

[67] *Карамышев А.Л.* Симбирская гимназия в годы учения В.И. Ленина. Ульяновск, 1958. С. 87–88, 99.

[68] *Трофимов Ж.А.* Гимназист Владимир Ульянов. (Документ. очерки). Саратов, 1976. С. 17.

[69] Там же. С. 103.

[70] Илья Николаевич Ульянов. По воспоминаниям современников и документам. С. 253.

[71] *Аммосов К.М.* Илья Николаевич Ульянов (Некролог) // И.Н. Ульянов в воспоминаниях современников: сборник / сост. и авт. предисл. *А.Л. Карамышев*. 2-е изд., доп. М., 1989. С. 202–204; *Медведков С.С.* Речь при погребении директора народных школ Симбирской губернии И.Н. Ульянова // Там же. С. 205–209.

В опубликованных документах самого Владимира Ильича информация о расставании с религией встречается единожды и кратко – в анкете для Всероссийской переписи членов РКП(б) в феврале 1922 г. на вопрос «Имеете ли какие-либо религиозные верования (убеждения)?» он ответил «Нет», а в пункте «Если Вы неверующий, то с какого возраста?» подчеркнул слово «неверующий» и написал «с 16 лет» (т.е. не раньше весны 1886 г.)[72].

К этому вдобавок можно заметить, что осознание себя неверующим и публичный отказ от принятых проявлений религиозного поведения далеко не всегда синхронны. Не исключен и некий «переходный период», не говоря уже о «тактических соображениях» при существовании неверующего в религиозной среде. Уже говорилось о скрытности молодого Владимира Ульянова в гимназические годы. Во всяком случае, ни в ту пору, ни годами позже явного атеизма он не демонстрировал. Когда в 1898 г. потребовалась легитимность пребывания Н.К. Крупской в Шушенском, где В.И. Ульянов отбывал ссылку, то 10 (22) июля этого года молодая пара венчалась (первым браком) в местной православной церкви со всеми необходимыми для таинства брака обрядовыми действиями[73].

Скорее всего, постепенное отторжение религии в его сознании происходило в силу общих настроений, сложившихся среди значительной части образованной публики в пореформенной России по отношению к существовавшему тогда укладу религиозной жизни. Как вспоминала много позднее (в 1933 г.) Н.К. Крупская: «Наше поколение росло в условиях, когда, с одной стороны, в школах, в печати строго преследовалось малейшее проявление неверия, с другой – радикальная интеллигенция отпускала насчет религии всякие шуточки, острые словечки. Существовал целый интеллигентский фольклор, высмеивающий попов, религию, разные стихи, анекдоты, нигде не записанные, но передававшиеся из уст в уста, Правда, большинство их них было поверхностно, повторявшие их нередко говорили о величестве и премудрости творца или о воспитывающей роли религии. Но все же это толкало молодую мысль, заставляло очень рано критически относиться к религии, стремиться самостоятельно решать, так или иначе, вопрос о религии»[74].

Не исключено, что свою роль в критическом восприятии истин религии сыграло установившееся в гимназиях пореформенной поры господство классицизма. Знакомство с образцами античной греческой и римской литературы (а известно, что он с увлечением читал латинские тексты), вкупе с получением естественнонаучных познаний, вряд ли содействовало безоговорочному принятию христианского мировоззрения.

Каким бы ни было личное отношение молодого В. Ульянова к религии и Церкви, религиозные знания явились необходимой составляющей его образования. Освоение этих знаний требовало знакомства с соответствующей церковно-исторической, богословской и вероучительной литературой. По Уставу классических гимназий от 1871 г. ведущее место на протяжении всех восьми лет гимназического образования занимал Закон Божий – комплексная дисциплина, включавшая сведения из Священного Писания, Катехизиса, православного богословия. Еженедельно на этот предмет отводилось: в приготовительном классе – 4 урока, в I классе – 2 урока, во II классе – 2 урока, в III классе – 2 урока, в IV классе – 2 урока, в V классе – 2 урока, в VI классе – 1 урок, в VII классе – 1 урок, в VIII классе – 1 урок[75]. Основной литературой по этому предмету (кроме, разумеется, библейских текстов) служили «Пространный Христианский Катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви» митрополита Московского Филарета (Дроздова) и учебники протоиерея М.И. Соколова «Закон Божий для детей младшего возраста» и профессора богословия протоиерея А.П. Рудакова «Наставление в Законе Божием»[76].

В рамках общей дисциплины по русскому языку и словесности изучался также церковнославянский язык. Курс истории, который преподавался с III по VIII классы, содержал определенный объем материала по церковной истории христианства. В перечне письменных работ, выполненных Ульяно-

[72] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 509.

[73] *Шульгина Н.* Об одной несостоявшейся сенсации // О Ленине – правду / сост. Г.И. Баринова. Л., 1991. С. 32.

[74] *Крупская Н.К.* О Ленине. Воспоминания, связанные со статьей Ленина «О значении воинствующего материализма» // *Крупская Н.К.* Вопросы атеистического воспитания: сб. ст. и выступлений. 2-е изд., доп. М., 1964. С. 53.

[75] См.: *Карамышев А.Л.* Симбирская гимназия в годы учения В.И. Ленина. Ульяновск, 1958. С. 11.

[76] Там же. С. 37, 48.

вым в выпускном классе гимназии весной 1887 г., есть, например, такие темы, как «Заслуги духовенства в Смутное время Русского государства» (классная работа) и «Происхождение и причины распространения раскола в Русской Церкви» (домашнее сочинение; работа не сохранилась)[77].

По предмету гимназического курса Закона Божия выпускной класс гимназии Владимир Ульянов («православного вероисповедания, сын чиновника») окончил с отметкой «5» («познания и успехи отличные»). На выпускном устном экзамене («испытании зрелости») по этому предмету 27 мая 1887 г. ему была выставлена также отметка «5» (кстати, процедуру каждого выпускного экзамена предваряла общая молитва экзаменуемых и членов испытательной комиссии). Такая же отметка была поставлена ранее, 22 мая, на устном экзамене по истории, где среди заданных ему вопросов были, в частности, «Разделение Церквей» и «Причины появления Реформации». Ну, а по Закону Божию В. Ульянов отлично ответил на все полученные вопросы из Катехизиса, богословия и Священного Писания: «О пятом члене Символа Веры», «О VI и VII Вселенских Соборах», «Приготовление верующих к причащению. Причащение священнодействующих и мирян», «О шестом прошении Молитвы Господней», «Воскрешение Иисусом Христом Лазаря», «Краткое объяснение Деяний Святых Апостолов (Деян. 2:1-37)»[78].

Знакомство В.И. Ульянова с богословской и другой религиозной литературой не ограничилось только гимназическим курсом. Поступив в Казанский университет, он записывается в октябре 1887 г. на лекции по богословию (предмет был обязательным) протоиерея профессора Н.К. Миловидова, хотя посещение этих лекций, как и по другим предметам, было нечастым, а в декабре этого же года прекратилось после его ареста и высылки в деревню под надзор полиции[79].

В 1890 г., когда он получил разрешение держать экзамен экстерном по учебным дисциплинам юридического факультета в испытательной комиссии при Санкт-Петербургском университете, некоторая литература о религии и Церкви вновь стала предметом его изучения. Главным образом, это были книги для подготовки к экзамену по церковному праву. К этому экзамену требовалось знать в целом историю церковной организации христианства, источники и памятники церковного законодательства, юридическое положение и управление Православной Российской Церкви, устройство Римско-Католической, Лютеранской и Армяно-Григорианской Церквей в России. Наиболее вероятно, что для подготовки он использовал прежде всего учебник Н.С. Суворова «Курс церковного права» в двух томах, вышедший в 1889–1890 гг. Эта книга долгое время считалась лучшей в своем жанре, включая очень подробное, основанное на обширном материале объяснение христианского церковного устройства и правового положения церкви[80]. Экзамен по церковному праву был одним из последних. В.И. Ульянов сдавал его 2 (14) ноября 1891 г. в вечерние часы в малом конференц-зале здания Академии Наук на Университетской набережной. Отвечать ему пришлось на вопросы из истории русского церковного законодательства (о создании и составе «Кормчей книги»; о церковных судах времени Ярослава Мудрого; о соборе 1666–1667 гг., низложившем Патриарха Никона; о «Духовном регламенте» Петра I; о некоторых церковных дисциплинарных правилах, вошедших в Полное собрание законов Российской империи)[81]. Его ответ «весьма удовлетворил» экзаменаторов, включая обладателя докторских степеней по богословию и государственному праву протоиерея профессора церковного права М.И. Горчакова (научного руководителя Н.С. Суворова)[82].

---

[77] Молодой Ленин. Повесть в документах и мемуарах / сост. А. И. Иванский. М., 1964. С. 262; *Трофимов Ж.А.* Гимназист Владимир Ульянов (Документ. очерки). Саратов, 1976. С. 101.

[78] См.: *Бонч-Бруевич В.Д.* Документы о юношеских годах В.И. Ульянова (Ленина) // Молодая гвардия. Ежемесячный литературно-художественный и научно-популярный журнал. М., 1924. № 1. Январь. С. 86, 88.

[79] Владимир Ильич Ленин: биографическая хроника. 1870–1924: в 12 т. Т. 1. М., 1970. С. 30.

[80] Не исключено, что были прочитаны также учебники: *Богословский М.* Курс общего церковного права. М., 1885; *Бердников П.С.* Краткий курс церковного права православной Греко-российской церкви, с указанием главнейших особенностей католического и протестантского церковного права. Казань, 1888–1889.

[81] *Трофимов Ж.А.* Самарские университеты. М., 1988. С. 125.

[82] *Цвибак М.* Владимир Ильич Ульянов на государственном экзамене // Красная летопись. 1925. № 1. С. 139–144.

Довелось ему расширить свои церковно-правовые познания и применить эрудицию в области религии и во время работы помощником присяжного поверенного в окружных судах Самары и Санкт-Петербурга (с февраля 1892 по декабрь 1895 г.). Среди литературы, прочитанной им в самарский период, были, в частности, полученные по абонементу А.И. Ульяновой (сестры) из Самарской Александровской публичной библиотеки Сочинения выдающегося русского религиозного философа В.С. Соловьёва и книжка историка-педагога Я.Г. Гуревича «История христианства»[83].

Согласно существовавшим судебным установлениям, выдержав все экзамены за курс юридических наук, он мог выступать в суде ходатаем по гражданским делам и в качестве защитника по уголовным делам. Считается, что только с марта 1892 г. по май 1893 г. В.И. Ульянов участвовал в судебном рассмотрении 19 дел, из них 3 гражданских и 16 уголовных[84]. В большинстве случаев он выступал «по назначению суда», т.е. бесплатно защищал лиц, которые в силу бедности не имели возможности избрать защитника «по соглашению». Некоторых из его подзащитных суд оправдал, некоторым снизил меру наказания.

Первое его выступление в судебном процессе было в Самаре 5 (17) марта 1892 г. по делу о «богохулении» сельского портного В.Ф. Муленкова, 34 лет. Этот крестьянин 12 апреля минувшего года в сельской бакалейной лавке («публичном месте»), по свидетельству лавочника М. Борисова, будучи в нетрезвом виде, «ругал поматерно Бога, Богородицу, Святую Троицу, затем Государя Императора и Его Наследника, говоря, что Государь неправильно распоряжается». В протоколе судебного разбирательства записано: «защитником подсудимого был помощник присяжного поверенного Ульянов, избранный самим подсудимым». Муленков обвинялся по ст. 178 главы «О богохулении и порицании веры» раздела «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений» из «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», предусматривающей за его деяние суровые кары, вплоть до «лишения всех прав состояния и ссылки в каторжные работы на время от 6 до 8 лет»[85]. Дело слушалось при закрытых дверях с участием присяжных заседателей. Запись речи защитника Ульянова не сохранилась. Однако известно, что ему удалось доказать, будто Муленков «учинил сие без умысла оскорбить святыню, а единственно по неразумию, невежеству или пьянству», что соответствовало статье 180 и влекло относительно мягкое наказание – суд приговорил богохульника к тюремному заключению на один год[86].

Если допустить гипотетическое предположение, то можно представить, что при подготовке речи и в судебном заседании «на религиозную тему» защитник Ульянов держал в своем уме переносный смысл ассоциации с новозаветными обличениями «нечестия человеков» – подробным разъяснением апостолом Павлом того, что грешны все, и суда Божия не избегут не только язычники, не знающие синайского Закона, но и принимающие Закон, которые «осуетились в умствованиях своих» (Рим. 1:18-23). Так ли это было или же молодой юрист обошелся только умелой трактовкой норм «Уложения о наказаниях», – никто уже не узнает. Но библейская ассоциация в этом процессе явно напрашивалась, а с Библией он был знаком достаточно хорошо.

Какую Библию знал Владимир Ильич? Большинство использованных им библейских фразеологизмов соответствуют Русской Библии – так называемому Синодальному переводу 1876 г., который уже широко был в ходу, когда Владимир Ульянов учился в гимназии и затем сдавал университетские экзамены[87]. Но в его работах встречаются и церковнославянские библеизмы, очевидно, знакомые ему с детства: встретившиеся на гимназических занятиях

[83] *Костин А.Ф.* Восхождение: Страницы биографии молодого Ленина. 2-е изд., доп. М., 1986. С. 276.

[84] Там же. С. 117.

[85] *Стерник И.* Из деятельности В.И. Ульянова в качестве защитника // Советская юстиция. 1958. № 4. С. 29; Молодой Ленин. Повесть в документах и мемуарах / сост. А.И. Иванский. М., 1964. С. 604.

[86] Молодой Ленин. Повесть в документах и мемуарах / сост. А.И. Иванский. М., 1964. С. 606; *Данилов Е.П.* Ленин: тайны жизни и смерти. М., 2007. С. 48.

[87] Первое издание синодального Русского Четвероевангелия – для домашнего назидательного чтения (т. е. вне богослужебного употребления) – вышло в 1860 г., двумя годами позже вышли остальные книги Нового Завета, а с 1868 по 1875 годы последовательно выходили Пятикнижие, исторические, учительные, пророческие книги Русской Библии; см.: *Тихомиров Б.А.* К истории отечественной Библии. М., 2006. С. 26–28.

по Закону Божьему, в читаемых книжках, слышанные из уст родителей или других взрослых людей, а также во время богослужений, которые он посещал до определенного возраста. И в молодые годы, и в зрелом возрасте Владимир Ильич нередко прибегал в своих высказываниях к разным фразеологизмам библейского происхождения, сочетая их «синодальный» и церковнославянский варианты.

Текстовой базой для поиска библеизмов в трудах В.И. Ульянова (Ленина) являются опубликованные в 1958–1965 гг. 55 томов пятого издания его сочинений (так называемое Полное собрание сочинений)[88]. Известно, что слово «полное» в отношении к пятому изданию не означает исчерпывающего свода всех обнаруженных произведений и документов Ленина. Общее их количество в этом издании не превышает 9 тысяч (еще 912 работ и документов в нем указаны как неразысканные). За его пределами остались чуть более 6 тысяч документов, приведенных в 12-томной «Биографической хронике»[89], и несколько сотен документов, содержащихся в шести последних томах 42-томной серии «Ленинских сборников» и не вошедших в Полное собрание сочинений. Кроме того, в бывшем центральном архиве ЦК КПСС к 1991 г. было накоплено еще 3724 документа, которые никогда не публиковались[90]. Также подсчитано, что не разыскано 1226 документов с 1879 по февраль 1917 г., связанных с жизнью и деятельностью Владимира Ильича, среди которых письма, два десятка газетных статей и несколько брошюр[91]. Тем не менее, содержание Полного собрания сочинений, по всей видимости, охватывает подавляющую часть трудов, которыми представлено основное ленинское теоретическое, публицистическое и эпистолярное наследие. Поэтому именно Полное собрание сочинений может считаться наиболее репрезентативным источником для обнаружения библейских фразеологизмов в лексике В.И. Ульянова.

Ценным подспорьем в этом деле выступают исследования, проведенные специалистами из Сектора Словаря языка В.И. Ленина (действовал с 1971 по 1992 г.) Института русского языка АН СССР[92]. Непосредственно образцы использования Владимиром Ильичом библейской фразеологии представлены и прокомментированы в нескольких публикациях[93], среди которых особое место занимает вышедший в 1991 г. обобщающий труд «Фразеологический словарь языка В.И. Ленина»[94]. Важную информацию содержат также популярные издания, посвященные, так сказать, «каталогизации» библейской фразеологии, встречающейся в произведениях отечественной литературы разных жанров и в устной речи. Какие-то из них вышли в свет еще в советские годы, другие были опубликованы в минувшие два десятилетия[95].

---

[88] Хорошим ориентиром в разысканиях стала вторая часть справочного тома к этому изданию: Справочный том к Полному собранию сочинений В.И. Ленина: в 2 ч. Ч. 2. М., 1972.

[89] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924: в 12 т. Т. 1–12. М., 1970–1982.

[90] Правда. 1991, 14 нояб.; Известия. 1992. 22 апр.

[91] См.: *Совокин А.М.* Вечно живые строки. Продолжаются поиск и изучение ленинских работ // Правда. 1988. 11 сентября.

[92] См.: *Денисов П.Н.* Об изучении языка В.И. Ленина // Вопросы языкознания. 1980. № 2; Очередные задачи филологической Ленинианы // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 39. 1980. № 2; Исследования по языку и стилю произведений В.И. Ленина / отв. ред. В.П. Даниленко. М., 1981; Проблемы лексикографического анализа языка произведений В.И. Ленина / отв. ред. П.Н. Денисов. М., 1984; Слово в языке произведений В.И. Ленина / отв. ред. В.Н. Хохлачева, А.И. Горшков. М., 1979; *Филин Ф.П.* О Словаре языка В.И. Ленина // Вопросы языкознания. 1974. № 6; также см.: *Молчанов В.* Создается «Словарь языка В.И. Ленина» // Правда. 1987. 2 марта.

[93] См.: *Бахилина Н.Б.* Использование архаической лексики в произведениях В.И. Ленина и лексикографическая традиция подачи этой лексики в словарях // Слово в языке произведений В.И. Ленина / отв. ред. В.Н. Хохлачева, А.И. Горшков. М., 1979; *Ковачич Е. Л.* Фразеологизмы в трудах В.И. Ленина // Русская речь. 1987. № 4; *Коляда Г.И.* Архаические фразеологизмы в языке трудов В.И. Ленина // О языке произведений В.И. Ленина. Лексика и синтаксис / Научные труды Ташкентского государственного университета им. В.И. Ленина. Вып. 363. Ташкент, 1970; *Кондаков Н.И., Кленовская Л.А.* Крылатые аргументы: (Афоризмы и крылатые выражения в трудах и выступлениях К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина). М., 1989.

[94] Фразеологический словарь языка В.И. Ленина / сост. Л.К. Байрамова, П.Н. Денисов. Казань, 1991. Это издание объемом в 350 страниц и тиражом 5000 экземпляров было подписано в печать 25 апреля 1991 г.

[95] *Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.* Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. 3-е изд., испр. и доп. М., 1966; *Николаюк Н.Г.* Библейское слово в нашей речи: словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2009.

В итоге проведенного обзора было обнаружено всего не менее 740 случаев употребления библейских фраз и выражений в текстах Полного собрания сочинений В.И. Ленина[96]. Общее число найденных библеизмов в его письменных произведениях составило 167 (74 из Ветхого Завета и 93 из Нового Завета). Некоторые из них Владимир Ильич использовал неоднократно (чаще всего встречаются фразеологизмы из книг «Бытие» и «Евангелие от Матфея»).

Прямого цитирования первой фразы Библии («В начале сотворил Бог небо и землю» Быт. 1: 1) в трудах Владимира Ильича не встречается. Однако Бог – и именно в монотеистическом звучании – не остался обойден его вниманием. Тексты Полного собрания сочинений содержат в общей сложности 120 упоминаний слова «Бог».

Большинство известных высказываний Ленина «на тему» Бога относятся к периоду его заграничной эмиграции, когда он вел напряженную теоретическую и организаторскую работу по сплочению российских социал-демократов на платформе большевизма. Важнейшей задачей в этой работе он считал достижение идейного единства партии, в том числе и по мировоззренческим вопросам. Религиозное мировоззрение, основанное на вере в Бога, и убеждение части социал-демократов в необходимости опоры на религиозное миропонимание в пролетарской среде, воспринималось им, по всей видимости, как опасная идеологическая конкуренция, способная разрушить с трудом достигаемое сплочение партийных рядов.

Конкурирующие воззрения – богостроительство, эмпириомонизм – подразумевали апелляцию к представлениям о Боге как консолидирующем начале в достижении целей социальной революции. Ленин резко обрушился на такие воззрения, в связи с чем посчитал необходимым выразить свое понимание Бога, точнее – идеи Бога, поскольку в его материалистических убеждениях не было место Богу как реальности. Отвергая бытие Бога, Владимир Ильич в то же время не мог игнорировать наличие идеи Бога и ее распространенность в пролетарской среде. Более того, его суждения содержат ряд вполне точных характеристик гносеологического и социально-психологического аспектов функционирования этой идеи в человеческом сознании.

Конспектируя в 1915 г. «Метафизику» Аристотеля, в своих комментариях к Книге 13 Ленин дает характеристику «идее Бога», возникающей «*совершенно* в том же роде», что и идеализм (как первобытный, так и современный), для которого «общее есть *отдельное существо*». Заметив, что это «кажется диким, чудовищно (вернее: ребячески) нелепым», он вынужден указать, тем не менее, на укорененность идеализма в самом процессе человеческого познания. Фактически, он признает органичность гносеологических оснований «идеи Бога» в мыслительной деятельности людей: «подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (= понятия) с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, *включающий в себя* возможность отлёта фантазии от жизни; мало того: возможность *превращения* (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в фантазию (in letzter Instanz [– в последнем счете] = Бога)»[97]. Отмечает он и глубинный смысл человеческой востребованности Бога как надежды на бессмертие (в его конспекте 1909 г. книги Фейербаха «Лекции о сущности религии» встречается такая пометка: «Бог без бессмертия души человека есть только по имени Бог...»[98].

Разумеется, что для Ленина-материалиста констатация этих свойств познавательной деятельности человека не означает признания безусловной реальности возникающих из нее образов и представлений. Полемизируя с теорией эмпириомонизма А.А. Богданова, в работе «Материализм и эмпириокритицизм: критические заметки об одной реакционной философии», Ленин критикует воззрение на физическую природу как производную от «опыта живых существ». Поскольку этот опыт идеален, то он фактически может быть приравнен к Богу. Такую трактовку Ленин охарактеризовал как «чистейшую философию поповщины». Разви-

[96] Здесь и далее подсчитано по текстам Полного собрания сочинений В.И. Ленина, с использованием вспомогательных изданий (Справочный том к Полному собранию сочинений В.И. Ленина: в 2 ч. Ч. 2. М., 1972; Фразеологический словарь языка В.И. Ленина / сост. Л.К. Байрамова, П.Н. Денисов. Казань, 1991).

[97] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 329–330.

[98] Там же. Т. 29. С. 57.

вая свою критику, он поясняет, в чем именно состоит религиозный смысл эмпириомонизма, при этом формулируя нечто вроде своего «определения» Бога: «Если природа есть производное, то понятно само собою, что она может быть производным только от чего-то такого, что больше, богаче, шире, могущественнее природы, от чего-то такого, что существует, ибо, для того чтобы "произвести" природу, надо существовать независимо от природы. Значит, существует нечто вне природы и, притом, *производящее* природу. По-русски это называется Богом»[99]. Этому «определению» в данной работе предшествует еще одна ленинская характеристика «божественного» – критикуя русских позитивистов, он предъявил им претензию за то, что рядом с человеческим разумом они ставят «..."*Логос*", т.е. разум в абстракции, не разум, а Разум, не функцию человеческого мозга, а нечто существующее до всякого мозга, нечто божественное»[100].

Своеобразие ленинской отрицательной «теологии» – в сочетании признания естественного гносеологического механизма возникновения идеи Бога с неприязненным утверждением о намеренном поддержании этой идеи как со стороны «реакционной философии» и «поповщины», так и идеалистически настроенными революционерами, что в равной степени он считал принципиально неприемлемым. Причины такой «намеренности» Владимир Ильич сводил к двум основным факторам.

Первый фактор, по его мнению, – это стремление представителей идеалистической философской мысли «примирить» научные открытия с привычными устоями религиозного миропонимания. Для этого происходит наделение того, что называется Богом, всяческими наукообразными характеристиками. «Философы-идеалисты, – писал Ленин в 1909 г., – всегда старались изменить это последнее название, сделать его абстрактнее, туманнее и в то же время (для правдоподобия) ближе к "психическому" ... как непосредственно данному, не требующему доказательств. Абсолютная идея, универсальный дух, мировая воля, "всеобщая подстановка" психического под физическое, – это одна и та же идея, только в различных формулировках. Всякий человек знает – и естествознание исследует – идею, дух, волю, психическое как функцию нормально работающего человеческого мозга; оторвать же эту функцию от определенным образом организованного вещества, превратить эту функцию в универсальную, всеобщую абстракцию, "подставить" эту абстракцию под всю физическую природу, ... это насмешка над естествознанием»[101]. Пятью годами позже, конспектируя книгу Гегеля «Наука логики», он высказался еще более резко: «Материалист возвышает знание материи, природы, отсылая Бога и защищающую его философскую сволочь в помойную яму»[102].

Другой фактор усматривался Лениным в противоречивой социальной направленности использования идеи Бога – действительно, ее можно встретить в арсенале самых разных по классовым интересам сил. Вообще говоря, Владимир Ильич не был склонен завышать воздействие идеи Бога на общественные умонастроения. Еще в 1894 г. он язвительно писал в работе «Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?»: «Бог... у нас совсем определенно на втором месте. Зато вот начальство – это другое дело. И если мы подставим... вместо слова "Бог" слово "начальство", мы получим точнейшее выражение идейного багажа, нравственного уровня и гражданского мужества российских гуманно-либеральных "друзей народа"»[103]. Естественно, что и применение идеи Бога для консолидации революционных масс в поддержку социальных преобразований им категорически отвергалось. Наиболее красноречивыми в этом плане стали его рассуждения в письме А.М. Горькому, написанном во второй половине ноября 1913 г. По словам Ленина: «Наподобие христианских социалистов (худшего вида "социализма" и худшего извращения его) Вы употребляете прием, который (несмотря на Ваши наилучшие намерения) повторяет фокус-покус поповщины: из идеи Бога убирается прочь то, что *исторически и житейски* в ней есть (нечисть, предрассудки, освящение темноты и забитости с одной стороны, крепостничества и монархии –

[99] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 18. С. 240–241.

[100] Там же. С. 173.

[101] Там же. Т. 18. С. 240–241.

[102] Там же. Т. 29. С. 153.

[103] Там же. Т. 1. С. 269–270.

с другой), причем вместо исторической и житейской реальностей в идею Бога вкладывается добренькая мещанская фраза (Бог = "идеи будящие и организующие социальные чувства")... Бог есть (исторически и житейски), прежде всего, комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнётом...». И далее – «Идея Бога *всегда* усыпляла и притупляла "социальные чувства", подменяя живое мертвечиной, будучи всегда идеей рабства (худшего, безысходного рабства). Никогда идея Бога не "связывала личность с обществом", а всегда *связывала* угнетенные *классы* верой в *божественность* угнетателей... "Народное" понятие о боженьке и божецком есть "народная" тупость, забитость, темнота, совершенно такая же, как "народное представление" о царе, о лешем, о таскании жен за волосы»[104].

Таким образом, ни Бог как реальность, ни идея Бога не вдохновляли Владимира Ильича, и чего-либо иного, кроме критических суждений не вызывали. Впрочем, это нисколько не мешало ему охотно употреблять слово Бог в своей устной и письменной речи.

В Полном собрании сочинений это слово чаще всего встречается в использовавшихся Лениным расхожих фразеологизмах, вроде «ради Бога» (46 раз), «слава Богу» (24 раза), «побойтесь Бога» (9 раз), «Бога для» (7 раз), «Бог знает» (3 раза). Кроме того, им употреблялись эквивалентные слова, такие как «Боже» (40 раз, в том числе 32 раза – «Боже упаси», 2 раза – «Боже мой», 1 раз – «Боже сохрани»), «Господи» (10 раз, в том числе 3 раза – «упаси Господи», 1 раз – «избави Господи»), «Господь» (не менее 2 раз), «Боженька», «Божецкое». В свои тексты он периодически включал и лексические обороты «ясно, как Божий день» (28 раз), «на свет Божий» (12 раз), а также пословицы и поговорки «Каждый за себя, а Бог за всех» (13 раз), «Страшен сон, да милостив Бог» (4 раза), «Как Бог на душу положит» (2 раза), «До Бога высоко, до царя далеко» (1 раз). Все это, равно как и присутствие в ленинской лексике собственно библейских фразеологизмов вполне соответствовало общеупотребительной речи современников.

Ветхий Завет в текстах Полного собрания сочинений представлен фразеологизмами из 19 книг. Среди них только две неканонические в православном понимании – книга Товита и книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова; из обеих по одному фразеологизму с библейским подтекстом – 2 раза «петь аллилуия» (Тов. 13: 18)[105] и 8 раз «подставить ногу (ножку)» (Сир. 12: 17). В общей сложности найдено 74 слова и выражения из Ветхого Завета, в совокупности употребленных не меньше 335 раз. Как правило, они звучат в различных вариациях, с перестановкой, добавлением или заменой каких-то слов, в зависимости от общего смысла высказывания. Больше всего представлена книга «Бытие» – 13 фразеологизмов (56 случаев употребления). По 7 фразеологизмов встречается из книги «Исход»(40 употреблений) и «Книги пророка Исайи» (53 употребления). По 6 фразеологизмов – из книги «Второзаконие» (23 употребления) и «Книги Иова» (41 употребление). Из «Псалтири» использованы 9 фразеологизмов (16 употреблений). Чаще всего имеют место фразеологизмы, отсылающие к Быт. 3: 7 – «фиговый листок» (24 раза), Исх. 20: 7 – «всуе приемлет (имя)» (18 раз), 2 Цар. 22: 43 – «топтать в грязь» (23 раза), Иов. 6: 26 – «бросать на ветер (слова)» (14 раз) и Иов. 18: 18 – «стереть с лица земли» (13 раз), Ис. 5: 24 – «разлететься (рассыпаться, пойти) прахом» (18 раз) и Ис. 28: 16 – «краеугольный камень» (11 раз). Среди использованных ветхозаветных фразеологизмов – 10 приведены в звучании церковнославянского текста или близком к нему («вопиет и глаголет», «всуе приемлет», «им же несть числа», «око за око», «паче зеницы ока», «предел, его же не прейдеши», «притча во языцех», созерцать «заднюю», «темна вода во облацех», «юдоль»). Есть и буквально точные фразеологизмы, соответствующие Синодальному переводу Библии («в поте лица», «глас вопиющего в пустыне», «каждому свое», «камень преткновения», «корень зла», «не ходите на совет нечестивых», «повергнут в прах», «припали к стопам», «стереть с лица земли», «суета сует» и др.).

В революционном 1917 г. Ленин использовал в своих трудах не менее 14 ветхозаветных фразеологизмов, причем большую часть из них – 8 выра-

[104] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 231–232.

[105] Впрочем, это могла быть и отсылка к Псалтири (Пс. 103: 35; 104: 45; 105: 1, 48; 110; 111; 112: 9; 113: 26; 115: 10; 116: 2; 134: 21; 145: 10; 147: 9; 148: 14; 149: 9; 150: 6).

жений – в осенние месяцы, т.е. в самое напряженное время борьбы за власть (среди них: «в поте лица своего», «стереть с лица земли», «хранить, как зеницу ока»). За советский период, с 1918 по 1923 гг., в ленинских работах и выступлениях встречаются не менее 18 фразеологизмов из Ветхого Завета, почти все из которых соответствовали риторике борьбы с контрреволюцией и создания нового общественно-государственного строя: «в поте лица», «каждому свое», «камень преткновения», «козлы отпущения», «колосс на глиняных ногах», «не рой другому ямы», «око за око», «повергнут в прах», «по образу и подобию», «святое святых», «слов на ветер бросать нельзя», «стереть (смести) с лица земли», «хранить как зеницу ока» и др.

Новый Завет в Полном собрании сочинений представлен 93 словами и выражениями – всего совокупно 408 случаев употребления – из 17 книг (ни разу не цитируются Послание Иакова, Первое послание Петра, Второе послание Петра, Второе послание Иоанна, Третье послание Иоанна, Послание Иуды, Послание Павла к Колоссянам, Второе послание Павла к Тимофею, Послание Павла к Титу, Послание Павла к Филимону). Упоминание Иисуса Христа в разных вариантах и сочетаниях встречается 26 раз (в том числе 15 раз «Христа ради», 2 раза «Христом-Богом»).

В числе новозаветных слов и выражений у Владимира Ильича чаще всего встречаются рецепции из «Евангелия от Матфея» (41 фразеологизм; 204 случая употребления); за ним идут евангельские тексты от Луки (16 фразеологизмов; 68 случаев употребления) и от Иоанна (9 фразеологизмов; 33 случая употребления). По количеству употреблений на первом месте отсылки к выражению из Мф. 5: 18 «ни одна иота» (несколько вариантов) – 52 раза; на втором месте слова из Лк. 23: 48 «бия себя в грудь» (разные вариации фразеологизма) – 22 раза; на третьем месте выражение «не останется здесь камня на камне» (Мф. 24: 2; Мк. 13: 2; Лк. 21: 6) и производные от него – 17 раз; по 15 раз встречаются по-разному звучащие отсылки к Мф. 27: 24 («умыть руки») и ко 2 Фес. 3: 10 («кто не работает, тот не должен есть»).

Существуют не менее 15 новозаветных фразеологизмов, приведенных Лениным в звучании церковнославянского текста или близком к нему (среди них: «врачу, исцелися сам», «гроб повапленный», «мир на земле и в человецех благоволение», «мудры, аки змеи, и кротки, аки голуби», «не всяк, глаголющий “Господи, Господи”, внидет в Царствие Небесное», «несть пророк в отечестве своем», «ничтоже сумняшеся», «своя своих не познаша», «страха ради иудейска», «толцыте и отверзется»). Есть и фразеологизмы, соответствующие Синодальному переводу Библии («бия себя в грудь», «благодарим тебя, Господи», «да, да – нет, нет, а что сверх того, то от лукавого», «да минует меня чаша», «камни возопияли», «предоставьте мертвым погребать своих мертвецов», «суббота для человека, а не человек для субботы», «что делаешь, делай скорее»).

Временем, когда труды Ленина были насыщены самым большим числом новозаветных фразеологизмов (не менее 22) стал 1917 г. (особенно месяцы после возвращения из эмиграции). Это число почти эквивалентно количеству использованных слов и выражений из Нового Завета (24 фразеологизма) за все оставшиеся годы его жизни.

Сомнительно, чтобы, употребляя библейские фразеологизмы, Владимир Ильич каждый раз открывал Библию и выискивал цитату. Чаще всего библейские отсылки применялись так, как они вошли в обиход повседневной устной речи современников. От этого звучание могло быть близким к тексту, но не дословным, происходила и перестановка некоторых слов, не говоря уже о замене библейских слов другими, из нерелигиозной лексики. Но нередко встречаются и точные цитаты, без замен или перестановки слов, что подтверждает хорошую память Владимира Ильича на библейский текст.

Конечно, проведенное выявление библеизмов в ленинском литературном наследии нельзя назвать исчерпывающим, – для столь дотошной работы требуются другая методика сбора материала и другой уровень энтузиазма. Свой научный интерес автор этой статьи видит в ином, а именно: в создании относительно достоверного образа отношения человека, чьи действия существенно отразились на историческом пути России, к великому памятнику мировой культуры, которым Библия является независимо от религиозного или светского ее восприятия. Поэтому исследовательской задачей стало обнаружение наиболее явных свидетельств знания и использования В.И. Ульяновым библейских фразеологизмов в его письменных рассуждениях, полемике, программных текстах.

Очевидно, что для него Библия не имела сакрального значения. Ее религиозный смысл как Священного Писания был ему чужд и неприем-

лем. Но библейские отсылки в собственных писаниях (надо думать, что и в устном общении) он употреблял охотно, тем более что многие библеизмы в их церковнославянском или русском звучаниях фактически были идиомами повседневной русской речи. Стоит подчеркнуть, что во всех рассмотренных случаях отсутствует какое-либо неприязненное (тем более издевательское) отношение Владимира Ильича к самим библейским фразеологизмам.

Скорее можно заметить, что он использует библеизмы для усиления собственных суждений по тем или иным поводам, т. е. применяет хорошо известные современникам фразы из Библии для большей выразительности изложения своих взглядов или в полемике. По замечанию составителей словаря ленинского языка: «Фразеология В.И. Ленина является важным средством речевого воздействия на адресат в коммуникативной стратегии автора...»[106]. Такое обращение к библейским словам и выражениям вполне объясняется возможным его взглядом на Библию как историко-культурный памятник, вобравший опыт и мудрость народов и веков. Как говорил он сам в широко известной речи «Задачи союзов молодежи» на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»[107]. В этом смысле можно утверждать, что и Библия, и многие явления религии в истории общества не исключались Лениным из богатств человечества, каким бы неоднозначным ни было его отношение к этим явлениям в конкретных ситуациях его жизни и деятельности.

© Смирнов М.Ю., 2011

[106] Фразеологический словарь языка В.И. Ленина / сост. Л.К. Байрамова, П.Н. Денисов. 1991. С. 3.

[107] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 305.